

«Е.И.ЗАМЯТИН.РОМАН «МЫ» (ОБЗОР)».

Небольшое вступительное слово о писателе должно объяснить его обращение к столь редко разрабатываемому литературой жанру.

Евгений Иванович Замятин (1884—1937) по натуре и мирозерцанию был бунтарем. «Настоящая литература может быть только там, где ее делают не исполнительные и благодушные чиновники, а безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики. А если писатель должен быть благоразумным, должен быть католически-правомерным, должен быть сегодня полезным... тогда нет литературы бронзовой, а есть только бумажная, которую читают сегодня и в которую завтра заворачивают глиняное мыло...» (статья «Я боюсь»). Это было писательское кредо Замятина. И роман «Мы», написанный в 1920 году, стал художественным его воплощением. Как Замятин шел к этому роману? Студенческие годы в Петербурге сопровождались бурной политической деятельностью — он был с большевиками: «В те годы быть большевиком — значило идти по линии наибольшего сопротивления...» («Автобиография»). Несколько месяцев в одиночной камере в Шпалерной тюрьме (1905), затем ссылка на родину, в Лебедянь; полулегальное проживание в Петербурге, опять ссылка. К этому времени он получает образование, становится морским инженером, кораблестроителем, пишет рассказы, повести. Затем отходит от революционной деятельности. «Люблю борьбу не физическую, люблю бороться словом». Повесть «Уездное» (1912), в которой Замятин обратился к косному быту провинции, сделала его имя известным. В 1914 году в повести «На куличках» изобразил жизнь отдаленного армейского гарнизона. Произведение было признано оскорбительным для русской армии и запрещено.

1917—1920-е годы — наиболее плодотворный период литературной работы Замятина. Пишет рассказы, пьесы, работает в правлении Всероссийского союза писателей, в различных издательствах, редактирует журналы. «Серапионовым братьям» читает лекции о том, как не надо писать. В романе «Мы» покажет, как не надо жить. С чтением его Замятин не раз выступал на вечерах, знакомил с рукописью критиков и литературоведов.

Опубликован в России роман не был: современники восприняли его как злую карикатуру на социалистическое, коммунистическое общество будущего. В конце 20-х годов на Замятина обрушилась кампания травли со стороны литературных властей. «Литературная газета» писала: «Е. Замятин должен понять ту простую мысль, что страна строящегося социализма может обойтись без такого писателя». Как это было похоже на его роман: «мы» можем вполне обойтись без неповторимого, индивидуального «я»!

В июне 1931 года писатель обращается к Сталину с письмом: «...я прошу разрешить мне выехать за границу — с тем, чтобы я мог вернуться назад, как только у нас станет возможно служить в литературе большим идеям без прислуживания маленьким людям, как только у нас хоть отчасти изменится взгляд на роль художника слова». Это был крик отчаяния писателя, которому не давали возможности печататься, не ставили его пьесы на сцене. Получив разрешение на выезд, в ноябре 1931 г. Замятин покинул Советский Союз и последние годы жизни прожил во Франции, до конца сохраняя советское гражданство. Н. Берберова в книге «Курсив мой» вспоминала: «Он ни с кем не знался, не считал себя эмигрантом и жил в надежде при первой возможности вернуться домой».

Надежда эта не сбылась. Роман «Мы», известный читателям Америки, Франции (там он был опубликован в 20-е годы), вернулся на родину только в 1988 году.

Прежде чем говорить на уроках о содержании этого произведения, выясним, что же такое утопия и антиутопия. Спросим учащихся, какие утопии они знают. Скорее всего, назовут «Утопию» Томаса Мора, «Город Солнца» Т. Кампанеллы. Вспомнят, что в 10 классе встретились с социалистической утопией, представленной в снах Веры Павловны в романе Чернышевского «Что делать?». Итак, утопия — это вымышленная картина идеального жизненного устройства.

Антиутопия — жанр, который еще называют негативной утопией. Это изображение такого возможного будущего, которое страшит писателя, заставляет его тревожиться за судьбу человечества, за душу отдельного человека.

Конечно, те из критиков, кто увидел в картине будущего, созданной Замятиным, только злую карикатуру на социальное устройство, задуманное большевиками, были не правы. Иначе не читался бы этот роман с интересом сейчас. Значение его более широкое, всеобъемлющее. Это и предстоит нам выяснить в ходе разговора о романе «Мы».

Жанр романа диктовал выбор сюжетного приема, особенности композиции. В чем они заключаются? Повествование представляет собою записи-конспект строителя космического корабля (в наше время его назвали бы главным конструктором). Он рассказывает о том периоде своей жизни, который позже сам определит как болезнь. Каждая запись (их в романе 40) имеет свой заголовок, состоящий из нескольких предложений. Интересно проследить, что обычно первые предложения обозначают микротему главы, а последнее дает выход на ее идею: «Колокол. Зеркальное море. Мне вечно гореть», «Желтое. Двухмерная тень. Неизлечимая душа», «Авторский долг. Лед набухает. Самая трудная любовь».

Обратим внимание ребят на стиль писателя. Форма конспекта — и никаких эмоций, короткие предложения, многочисленные тире и двоеточия. Для понимания содержания важно и то, что многие слова пишутся только с большой буквы: Мы, Благодетель, Часовая Скрижаль, Материнская Норма и т. д. Несколько искусственный, сухой язык идет от искусственности того мира, в котором живут герои.

Роман назван необычно — «Мы». Как заявлена тема «мы» в начале романа? — Главный герой говорит о себе, что он только один из математиков Великого Государства. «Я лишь попытаюсь записать то, что вижу, что думаю — точнее, что мы думаем (именно так — мы, и пусть это «Мы» будет заглавием моих записей)».

Что настораживает читателя сразу? — Не «я думаю», а «мы думаем». Он, великий ученый, талантливый инженер, не осознает себя личностью, не задумывается над тем, что у него нет собственного имени и, как и остальные жители Великого Государства, он носит «номер» — Д-503. «Никто не «один», но «один из» (2-я запись). Забегая вперед, скажем, что в самую горькую для него минуту он подумает о матери: для нее он не был бы Строителем «Интеграла», номером Д-503, а был бы «простым человеческим куском — куском ее же самой» (36-я запись. В дальнейшем в скобках указывается только номер записи).

Какое слово достаточно часто звучит в 1-й записи конспекта?

Слово это — «счастье». Начинает Д-503 свои записки цитатой из Единой Государственной Газеты, в которой сообщается, что близится час, когда «Интеграл» отправится в мировое пространство, неся счастье существам, обитающим на других

планетах. Что же граждане («нумера») Единого Государства воспринимают как счастье? Как живет им под бдительным оком Благодетеля?

Так живет Единое Государство. По улицам ходят нумера с лицами, «не омраченными безумием мыслей». (2) Ходят «мерными рядами, по четыре, восторженно отбивая такт... сотни, тысячи нумеров, в голубоватых юнифах, с золотыми бляхами на груди...». (2) И всегда рядом — Хранители, которые все видят, все слышат. Но и это не возмущает Д-503, ведь «инстинкт несвободы издревле органически присущ человеку». Поэтому Хранители сравниваются с «архангелами» древних людей.

Миллионы недумающих счастливых людей! Человек-машина — таков «номер» (не гражданин!) Единого Государства. Автоматизм действий и мышления, никакой работы души (что это — душа?). Технический прогресс, оказывается, может не сопровождаться духовным. Недаром В. Маяковский, живший с Замятиным в одно время и, вероятно, так же воспринимавший наступление «Железного Миргорода», отмечал, что на технику надо набросить намордник, иначе она перекусает человечество.

Счастье для всех! Но, как окажется, среди миллионов счастливых есть такие, которые не удовлетворены всеобщим счастьем. Попросим учеников назвать их. Будут названы I-330, R-13, доктор из Медицинского Бюро, O-90. Отметим, что не случайно среди них женщины. Женщины скорее мужчин не согласятся с автоматизмом жизни, с полной зависимостью от обстоятельств. (Вспомним Катерину и Ларису у Островского, Веру Павловну у Чернышевского, Елену Стахову у Тургенева.)

Далее последует рассказ о каждой из героинь.

Настало время обратиться к главному герою — самому повествователю. Однажды I скажет в разговоре с ним: «Человек как роман: до самой последней страницы не знаешь, чем кончится. Иначе не стоило бы и читать...» (28) Тот, кто впервые читает роман Замятина, действительно не знает до последней записи, как сложится судьба Строителя «Интеграла».

Каков он в начале романа? Каким представляет себя читателю в первых записях конспекта?

Д-503 — талантливый ученый, математик, строитель космического корабля. Он, частица Единого Государства, абсолютно уверен в правомерности того, что в этом Государстве происходит. «Не государство, общество как сумма личностей, а только человек как часть государства, общества. Человек ничтожен перед величию государства». (3) Гений служит идее Благодетеля — идее тирании. Более всего он мечтает сейчас о скорейшем завершении строительства «Интеграла» и полете к другим планетам.

И вдруг жизнь его, счастливая и размеренная, изменится так, что сам он новое свое состояние оценит как болезнь. «Должен записать, чтобы вы, неведомые мои читатели, могли до конца изучить историю моей болезни». (25) Когда в автомате начинаются сбои — это болезнь.

Так в чем же причины его «болезни»? Как она начиналась? Каковы ее «симптомы»? В жизнь Первого Строителя «Интеграла» неожиданно для него самого входит любовь. Входит вместе с музыкой Скрябина. Звучит она как отрицательный пример, должный показать, что выше современных «математических композиций» быть ничего не может. На эстраде Аудиториума рояль из прошлого. Женщина в костюме древней эпохи. «Села,

заиграла. Дикое, судорожное, пестрое, как вся тогдашняя их жизнь, — ни тени разумной механичности. И, конечно, они, кругом меня, правы: все смеются. Только немногие... но почему же и я — я?» (4)

Что произошло с героем? Почему не смеется? Знаменательно, что первый раз он ощутил себя как «я», отделенное от «мы», от всех. Любовь делает человека индивидуальностью. Любить «как все» нельзя. «До сих пор мне все в жизни было ясно... А сегодня... Не понимаю». (4) И далее последует череда поступков, которые Д сам себе объяснить не может. Попросим учеников назвать их.

Это первое посещение Древнего Дома. Насмешливый тон I. Обещание через знакомого врача выдать удостоверение, что Д был болен. Толкает на обман? Он обязан донести на нее, сделать заявление в Бюро Хранителей. Но не идет туда, сам себе удивляясь: «Неделю назад — я знаю, пошел бы, не задумываясь. Почему же теперь?.. Почему?» (8) Кстати, О-90 осмеливается говорить о Хранителях как о шпионах. И все-таки Д подходит к Бюро, куда ходят люди, «чтобы совершить подвиг... чтобы предать на алтарь Единого Государства своих любимых, друзей — себя». (8) Но что-то в последний момент останавливает его.

Д приводит в ужас непривычное древнее платье I вместо юнифы, ликер, который она пьет и от которого испуганно отказывается он, ее курение, ее поцелуй. И оказывается, что теперь в нем вместо «мы» заговорило «я», он ревнует любимую. Как сам Д-503 ощущает двойственность своего сознания, восприятия действительности? Он теперь всегда в состоянии выбора. Почему именно сейчас он часто вспоминает то, что известно ему из жизни далеких предков? (О Боге — запись 9; о литературе — запись 12.) Тогда человек — несовершенный, незащищенный (над этим по привычке смеется Д) — был человеком, а не «винтиком» отлаженного механизма. О себе же может думать только как о машине. Итак, надо сделать выбор. Какое решение примет Д, устав мучиться? Он идет в Медицинское Бюро. И узнает от врача, что у него, вероятно, «образовалась душа». Ответ найден. В бездуховном обществе жить спокойно может, конечно, только тот, у кого нет души. «Это странное, древнее, давно забытое слово». (16) Как вылечиться, тем более, как по секрету сказал врач, речь идет об эпидемии? В обществе, в котором решены все проблемы, душа не нужна. Врач горько объяснит: «Почему? А почему у нас нет перьев, нет крыльев — одни только лопаточные кости — фундамент для крыльев? Да потому что крылья уже не нужны... Крылья — чтобы летать, а нам уже некуда: мы прилетели, мы — нашли». (16) Единое Государство неизбежно. Некуда «лететь» его нумерам.

. Это событие станет наиглавнейшим и в жизни Д-503. Несомненно, что вершиной повествования становится запись о событиях, произошедших в День ежегодных выборов Благодетеля. Попросим учеников коротко пересказать главу.

За это «завтра» Строителя «Интеграла» и всего Единого Государства поведут борьбу I и Благодетель.

I решит отвести Д-503 за Зеленую Стену. «Я был оглушен всем этим, я захлебнулся...» I, выступая перед толпой человек в 300—400, сообщит, что с ними Строитель того космического корабля, который должен принадлежать им. Люди начнут в восторге подбрасывать Д вверх. «Я чувствовал себя над всеми, я — был я, отдельное, мир, я перестал быть слагаемым, как все, и стал единицей». (27) До этого только «номер», он осознает в себе «несколько капель солнечной, лесной крови», которая, как считает I, возможно, есть в нем. Перед Д открылся новый, живой, а не искусственный мир.

Спросим учеников, как Благодетель отреагирует на результаты выборов, на сбой в работе налаженного механизма? На следующее утро Единая Государственная Газета уверенно объяснит, что происшедшее нелепо было бы воспринимать всерьез. Заговорщики «Мефи» будут пойманы и казнены. Есть средство, которое избавит людей от охватившей их болезни, — это операция по удалению фантазии. Оказывается, что в могучем Государстве глубины человеческого сознания остались недоступны вмешательству извне: из-за фантазии могут происходить бунты.

Д-503 окажется перед выбором: «Операция и стопроцентное счастье — или...» (31) Решение принято: он с I, с «Мефи», он отдаст им «Интеграл». Но полет будет прерван из-за предательства. Д-503 предстанет перед Благодетелем, обратившимся сначала к его разуму. Он, Строитель «Интеграла», изменил предназначенной ему роли величайшего конкистадора, не открыл «новую, блистательную главу истории Единого Государства». (36) Да, люди всегда стремились к счастью. Они молились о том, «чтобы кто-нибудь раз навсегда сказал им, что такое счастье, — и потом приковал их к этому счастью на цепь». Путь к счастью жесток и бесчеловечен, но его надо пройти.

Какой самый сильный аргумент приберег Благодетель напоследок, чтобы вернуть Д-503 под свое иго? Благодетель теперь сыграет на его чувствах: убеждает его, что он нужен был I лишь как строитель космического корабля. Еще раньше несколько раз, неосознанно до конца, возникали у Д такие подозрения. Однажды он получил письмо, в котором I просила в определенный час спустить шторы, чтобы думали, что она у него. В другой раз его насторожил вопрос об «Интеграле» — скоро ли он будет готов? Теперь эти подозрения подтверждаются. От Благодетеля он отправляется к I, не застаёт ее, но находит в комнате огромное количество розовых талонов с буквой «Ф». Д-503 убедился в том, что I, оторвав его от «мы», заставив стать «я», хотела использовать его лишь как инструмент для достижения цели. «Я» героя не может вынести нравственных мучений, не свойственных единому организму под названием «мы». Он решает «вырезать фантазию». Операция совершена. Нет фантазии, нет души, нет страданий. Теперь Д спокойно, отстраненно наблюдает за тем, как под Газовым Колоколом казнят «ту женщину». Закончим работу с романом, определив его идею. Ученики скажут, что содержанием романа Е. Замятин утверждает мысль о том, что у человека всегда есть право выбора. Неестественно преломление «я» в «мы», и если человек поддается воздействию тоталитарной системы, то он перестает быть человеком. Нельзя строить мир только по разуму, забыв, что у человека есть душа. Машинный мир не должен существовать без мира нравственного.

Подтвердим эти мысли учащихся словами самого Замятина из интервью 1932 года: «Близорукие рецензенты увидели в этой вещи не больше чем политический памфлет. Это, конечно, неверно: этот роман — сигнал об опасности, угрожающей человеку, человечеству от гипертрофированной власти машин и власти государства — все равно какого».

Не только Замятиным руководил в XX веке страх за судьбу человечества. За первенцем антиутопий — романом «Мы» — последовали «Прекрасный новый мир» (1932) О. Хаксли, «Скотный двор» (1945) и «1984» (1949) Д. Оруэлла, «451 градус по Фаренгейту» (1953) Р. Брэдбери. Так же как роман Замятина, эти произведения звучат как трагедийно-сатирическое пророчество о будущем.